

Продолжение. Начало — на стр. 1

Александр ПРОХАНОВ. И этот массив двинулся?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Массив двинулся, и мы оказались на своём направлении. Три дня изучали обстановку, а потом начали атаковать противника. Наши смежники ставили своей задачей, к примеру, частный сектор, который примыкает к Мариуполю, является его пригородом. В частном секторе легче работать, он легче поддаётся воздействию любого типа артиллерии, миномётов обычных. Либо наши смежники работали в промзоне.

Мы же перед собой поставили задачу — жилые кварталы, многоэтажки. На том этапе, да и сейчас, это самая сложная из всех типов военных задач в условиях города. Мы работали в том направлении, ломали укрепления противника 22 дня.

А за это время мы, во-первых, входили в режим войны, люди ментально перестраивались. Приходилось часто буквально брать кого-то за шиворот и серьёзно говорить. Порой звучит простая фраза: "Мы по-мужски поговорили". Но в условиях войны нет понятия "поговорить по-мужски", здесь есть командир и есть жёсткая вертикаль: команда и подчинённые. Мы вывели из сознания людей гражданский режим существования, когда можно зайти к командиру батальона и за чашкой чая обсудить бытовые вопросы. А здесь инерция мирного времени на первых порах сказывалось отрицательно, потому что, например, можно было подвергнуть сомнению целесообразность приказа военного начальника. Приходилось даже некоторых офицеров вводить в нужное состояние, чтобы они осознали: мы на войне. Меры для установления дисциплины применялись достаточно жёсткие, но, конечно, не выходящие за рамки. Сутки ареста, например. Приходилось заставлять людей относиться к войне серьёзно. Это был первый этап. Сейчас, считаю, наступил второй этап.

Александр ПРОХАНОВ. Где первый этап закончился? Ещё до взятия Мариуполя?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Собственно говоря, этот этап и закончился одной из фаз взятия Мариуполя. Потому что мы работали на восточном Мариуполе, и когда наши ребята, коллеги двигались со стороны моря вверх, то мы — со стороны севера, чтобы отрезать противника.

Долго не могли сломать этот укреп район, потому что ребята двигались своей методикой, а мы — своей: брали укрепления от здания к зданию. Нам нужно было шириной порядка километр или полтора километра несколько зданий — девять многоэтажек и лицей — полностью сломать. А противник находился в зданиях и вёл огонь, и ещё с глубины наводил артиллерию по нам. Мы должны были сломать этот укреп район, а дальше путь был чист. Потому что, когда был сломан укреп район из девятиэтажек, перед нами открылся частный сектор, и противник попал в невыгодное положение.

И ровно на следующий день, когда мы взяли под контроль последнюю девятиэтажку, а она была самая длинная, четырёхподъездная, ровно в тот день, когда пал последний объект этого небольшого форпоста, противник спешно, через несколько часов оттянул все свои силы от "Азовстали" и оставил восточный Мариуполь полностью под нашим контролем. Взятие этого укреп района и было финальной точкой в борьбе за восточный Мариуполь.

Александр ПРОХАНОВ. Мариуполь не весь был укреп районом?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Нет. Наше наступление носило очаговый характер. Очаговое наступление — это новый вид тактики, который мы изобрели в силу нехватки сил и средств. Мы очень сильно рисковали, потому что не могли закрыть полностью Мариуполь, соединившись с нашими флангами. Между флангами моего подразделения и соседнего — могло быть несколько километров. В глубине, в тылу, были неконтролируемые участки. Если противник проходил бы эти несколько километров, он бы просто двинулся по нашим тылам с любыми задачами, с любой скоростью — как хотел.

Мы вынуждены были с этой ситуацией смириться и сосредоточиться на выполнении задачи — ломать район. Мы поставили там блокпосты. Но понимали, насколько эти блокпосты могут быть успешными, в случае если против них, 10–12 мужиков, полрёт подразделения противника численностью до батальона или даже роты — этого будет достаточно.

Тем не менее противник не рискнул выйти из Мариуполя, когда мог, он принял бой. И мы постепенно, врезаясь, сокращали радиус окружения противника, сближались между собой, и в конце концов, сомкнулись флангами и образовали полноценную блокаду Мариуполя. Хотя до того момента о полноценной блокаде нельзя было говорить. И только после того, как мы полностью блокировали, противник спохватился и начал пытаться вывести из города, в частности, с "Азовстали", колонны техники, артиллерию.

Например, наш беспилотник барражировал пространство над Мариуполем, фиксировал происходящее, и в два часа ночи дошёл до нас, что в районе "Азовстали" формируется колонна — 28 единиц техники, и планирует двинуться в направлении северо-запада. Мы успели выстрелить вперёд небольшой залп, который встретил противника уже на выходе из Мариуполя, нанёс ему огневое поражение по передним единицам техники. Противник подумал, что там их ждали, что образовался какой-то мощный мешок. В действительности это была небольшая группа, в составе которой — небольшие артиллеристские средства. Они просто успели обогнать противника, встретили, блокировать. Противник бросил всю абсолютно целую колонну, разбежался по окрестности. Правда, ещё сутки пытался её контролировать со стороны. И когда первые наши группы прибыли к этой колонне, чтобы забрать технику, противник открыл огонь, несколько человек было ранено. Потом противника разогнали, кого-то взяли в плен. Так что попытки были, но мы их пресекли.

Началась уже полноценная блокада Мариуполя: мы полностью образовали кольцо, которое сужалось. В конце концов, оно сужилось до размеров "Азовстали". "Азовсталь" — это последний этап, которым мы завершали мариупольскую эпопею.

Александр ПРОХАНОВ. А те украинские морпехи, что шли на "Азовсталь", они врываются в ваше окружение?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Да. Они пытались с "Завода Ильича" вдоль поймы реки переместиться на "Азовсталь". У Кальмиуся очень обширная болотистая, поросшая камышом пойма, и они пытались переместиться, прорывались через наши блокпосты. Несколько попыток соединиться с заблокированными на "Азовстали" было пресечено. А кто-то прошёл. Мы фиксировали отдельные группы, которые проскакивали. Но в этом для нас не было ничего страшного. Мы понимали, что здесь они или там, нам, чем меньше радиус, тем даже лучше. Если бы они даже переместились, например, на "Азовсталь", то эффект был бы тот же самый. Но нам удалось их разрезать: отдельно "Завод Ильича", отдельно завод "Азовсталь". Сначала сдались группировка — больше тысячи человек, которая находилась на "Заводе Ильича". Потом в течение месяца доламывали группировку, которая находилась на территории завода "Азовсталь".

Александр ПРОХАНОВ. Почему украинцы мало контратакуют? Ведь у них численное превосходство. Они избрали тактику обороны как главную стратегию?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Мы за 8 лет привыкли к позиционной войне. Нам задавали вопросы: как вы оцениваете уровень украинской армии, сумела ли она за эти годы вырасти с точки зрения квалификации, знания, опыта? Мы говорим: да, в каких-то вопросах — технического оснащения, особенно благодаря поставкам со стороны Запада, украинская армия модернизировалась. Но опыта наступательной войны у неё нет, как и у нас, собственно говоря. Соединениями не маневрировали, никаких задач, связанных с занятием городов или районов, они не выполняли. А это важно. Когда мы, например, первый месяц воевали, то получили опыт, который можно обрести только на практике,

никак не в теории. Мы поняли некоторые нюансы. Например, что может делать артиллерия, что не может, например, миномётная батарея, что может делать ствольная, а что не может делать вооружение навесного характера, какие средства могли бы быть эффективными в боях в условиях города. Если мы подходили к городу, имея тот арсенал, который у нас был, и на другой мы не могли рассчитывать, то нам приходилось в течение ближайших двух недель перегруппировываться. Приходилось идти к армейским, договариваться, просить.

У нас тогда не было своей ствольной артиллерии, мы имели в распоряжении только миномётную батарею. Но миномётная батарея оказалась неэффективной в условиях города, потому что стреляет по навесной траектории, попадает в крыши или верхние этажи, не наносит противнику урона. А ствольная артиллерия прямой наводкой могла бить по площадям, по зданиям, выбивать противника.

Это нюансы, которые приходят с опытом. А противник, поскольку не воевал, не имел и не имеет такого опыта.

Ведь они урон нам наносили из засад, закрытых позиций: они позволяли нашим подразделениям втягиваться в какие-то карманы, мешки, и потом по отбитым координатам наносили огневое поражение. А опыта наступления у них нет.

Наступать всегда страшно, потому что ты открыт, не прячешься в укрытиях. Когда идём в атаку или просто производим штурмовые действия, как правило, нас хорошо видно, мы перемещаемся по открытой местности. Всегда наступление тяжелее. И тяжелее подразделениями, частями перемещаться. Если перемещается любое подразделение значительной численности, то это хорошая групповая цель для поражения противником.

Если, например, здание превратилось в руины, там легче прятаться, чем в целом здании, потому что

Александр ХОДАКОВСКИЙ:

«ПРИКАЗ—НАСТУПАТЬ!»

Беседа главного редактора «ЗАВТРА» с легендарным командиром батальона «Восток»

человек не конфигуритивный, и руины такие же. В здании человека можно хорошо выделить на фоне линейных форм. А в руинах он прячется, образует огневые точки и прочее. Там он защищён, потому что, как правило, замаскирован.

А мы вынуждены рисковать, действовать в режиме наступления, потому что задача стоит — наступать. Мы себя подвергаем сознательным рискам. Но без наступления, без риска результата не будет. Вот прозвон, то что как ты ни минимизируй риски для солдата, как ты ни применяй средства разведки для того, чтобы качественно выявить позиции противника, как мы используем артиллерию и какого типа артиллерию ты ни используешь, всё равно солдату приходится рисковать, потому что, как правило, предварительная разведка не даёт и 20% результата. Процентом 80 результата даёт только разведка боем. Когда уже подразделения поднялись, пошли, тогда противник себя обнаруживает, начиная нас уничтожать. Мы фиксируем местоположение его огневых точек, потом по этим местам наносим артиллерийский удар.

Практика показала, что за десятки атак, в которые мы шли, ни разу не было, чтобы мы предварительно выявили все позиции противника, сумели их эффективно обработать. Каждый раз противник выявлялся только тогда, когда мы переходили в атаку. К сожалению, это правда войны, которая актуальна даже при современных средствах разведки, обнаружения. Человек остаётся самым эффективным средством, которое выявляет действие противника.

Когда проводились "разбор полётов" с молодыми ребятами, офицерами, пытаешься выявить ошибки, недочёты и стараешься внести в тактику коррективы, часто звучит вопрос, даже не вопрос, а просьба: "Можно ли более тщательно планировать?" То есть, мол, можно сделать так, чтобы, когда мы идём в атаку, противник по нам вообще не стрелял? Каждый раз, когда человек идёт в наступление, когда он отрывается от земли, принимает вертикальное положение, себя обнаруживает, — он находится под очень большим риском. И наши ребята думают только об одном: как бы артиллерия обработала так, чтобы вообще противника не осталось, и им надо только прийти и констатировать факт гибели или отсутствия противника. Это естественное человеческое желание, естественный страх.

Конечно, надо тщательно планировать. Но вот говоримши: "Давайте поэкспериментируем, и следующее мероприятие будет планировать вы". И когда люди начинают участвовать в принятии решений, то понимают, что любое решение всё равно включает в себя фактор неожиданности, когда ты не можешь до конца быть уверенным, насколько эффективно обработала артиллерию, разведка. Последнее слово говорит пехота. И пехота либо продвигается, либо останавливается и оттягивается. Но когда пехота останавливается и оттягивается на какой-нибудь предварительный рубеж, всё равно в это время все действия уже фиксировали современные средства наблюдения, беспилотники. И мы потом на многократном цифровом увеличении смотрим: здесь была огневая точка противника. А вот здесь мы летали, все смотрели и ничего не обнаруживали. Мы не смогли нанести эффективное поражение, потому что просто не представляли, что там эта точка есть. Только в момент атаки она обнаружилась, что позволило выявить её и зафиксировать на видео, потом просмотреть и точно обработать.

Как правило, любые штурмовые действия, даже небольшого здания, растягиваются как минимум на два дня. Первый день — попытка штурма, обнаружение противника, выявление его огневых точек. Потом, в конце дня, — поражение противника, и следующий день начинался с того, что мы просто двигались.

Когда мы разговаривали с противниками уже после сдачи их в плен, они говорили: мы применили тактику, которая заставила нас оттягиваться. Никто с их стороны в зданиях не рубился. Было 3 или 4 процента, когда наши штурмовые группы сталкивались с противником непосредственно внутри зданий, и либо оставались там и до утра, до наступления рассвета, например, ждали и продолжали боевые действия, либо в тот же день заканчивали все историей.

Чаще всего было так: мы втягивались в огневой контакт, противник себя обнаруживал, мы давали команду "отходить" и начинали раскладывать это здание, как правило, в промышленной зоне. А потом, после хорошего огневого поражения, снова заводили группу. И группа уже либо заканчивала начатое, либо фиксировала, что там больше никого нет: остались либо только тела противника, либо они унесли их с собой. Так мы постепенно противника выдавливали, и вместе с тем получали представление о том, какая методика наиболее эффективна.

К сожалению, эта методика связана с полным уничтожением любого фонда, промышленного или жилого. Мы понимали, что попытки минимизировать последствия обречены на неудачу, потому что надо либо положить личный состав, либо нуто эту нашу методику широко показывать, мы не стеснялись показывать последствия нашей работы, потому что хотели, чтобы на Украине все это видели, — чтобы не было повторения опыта Мариуполя. Тогда мы говорили: "Выходите из города, будет тяжело. Это от нас не зависит. При всём нашем гуманизме и желании сохранить вас самих и ваши квартиры, телевизоры, диваны, мы просто лишены возможности выбрать. Мы будем стараться спасти своих солдат, минимизировать последствия. Посмотрите, что происходит. Не потому, что мы жестокие или негуманные, а потому что законы войны работают именно так".

Любой город — Севастополь 1943–1944 годов, Одесса, Сталинград — были превращены в руины в силу не только работы авиации, но и боевых действий в условиях города. Всё подвергалось разрушению. Сейчас всё повторяется, ничего нового: те же артиллерийские средства, те же авиабомбы. Только если тогда бомбы сбрасывали пропеллерные, например, с самолёта, то сейчас турбореактивные сбрасывают. А бомбы те же самые — ФАБ-250, ФАБ-500, тот же тротил, те же поражающие элементы... Как

воевали в 1941–1945, так воюем и сейчас. И последствия те же самые.

Мы показывали это всё, чтобы, когда пойдём брать другие города, люди понимали: каток войны перемелет всё, и уходишь. Мы хотим минимизировать последствия войны, но, к сожалению, условия боевых действий не позволяют сохранить города целыми.

Александр ПРОХАНОВ. Это две разные войны: за Мариуполь — одна война, а за "Азовсталь" — другая?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. С точки зрения тактики, которые мы применяли, они действительно отличались. Это, скорее всего, была фаза войны. Когда мы работали в жилых кварталах и имели дело с многоуровневыми зданиями, девяти-, десятиэтажками, это была одна история. Тут и противник размещал свои огневые позиции по-разному. Например, они в любом здании в шахматном порядке занимали квартиры, проделывали проходы между ними, чтобы перемещаться. Использовали много наблюдательной техники. Не сидели, высунувшись в окна, чтобы наши снайперы обрабатывали их, а ставили устройства слежения — автономные камеры. Камера с достаточно хорошим разрешением наблюдает сектор 120 градусов, например: видят наши действия, подходы, накопления на предштурмовой позиции... И когда начинаем двигаться, они по всем позициям подают информацию о том, что готовится атака, наступление.

В условиях гражданских заселённых секторов — одна тактика. Когда перешли на "Азовсталь", механика действия поменялась, потому что появилось много подземных, технологических переходов между зданиями, чего не было в жилых кварталах. Во-вторых, эти здания, как правило, — типовые по-

стройки не выше двух-трёх этажей, там свои особенности. Этих зданий очень много, они разбросаны, не стоят стройными рядами, как жилые здания, по какому-то архитектурному плану. У нас были карты, и мы каждый раз в соответствии с ними составляли схемы на участке. Таких схем было несколько, и на каждой схеме — несколько секторов. Каждый сектор мог содержать в своём сегменте порядка 20–25 зданий, некоторые 300 метров в длину, 120 метров в ширину — огромные. Если "Азовсталь" в своём длинном поперечнике составлял 9 километров, то его окружность — огромная территория. Вокруг — промзона: и бетонный завод, который обслуживал нужды "Азовстали", и другие заводы. Всё это приходилось в течение месяца брать под контроль, выдавливая противника, сокращая этот радиус и уплотняя их: чем противник плотней, тем эффективнее работа любой артиллерии и любой авиации.

Александр ПРОХАНОВ. Такое ощущение, что сражение за "Азовсталь" войдёт в хрестоматию войны. Что-то в нём особенное было. Видимо, с этим связаны какой-то апофеоз украинский и какая-то мифология. Россия следила за сражением в "Азовстали" с особой нервной напряжённостью, и мучилась, ждала окончания, связывала с "Азовсталью" либо триумф, либо разочарование.

Александр ХОДАКОВСКИЙ. У нас же есть опыт боёв за Донецкий аэропорт в 2015 году. Конечно, там всё было очень локально — один новый терминал аэропорта, в сравнении с "Азовсталью", — капля в море. Таких зданий, как тот терминал, и значительно больших по масштабу огромное количество на "Азовстали". Но аэропорт породил целую субкультуру: героизация, киборги.

По аналогии с аэропортом формировалась субкультура и в этой фазе войны. Мы не просто имели дело с регулярными частями украинской армии. Там ещё был распыренный "Азов", который, наверное, воспринимался на Украине как символ украинства. "Азов" — националистическое подразделение, которое берёт своё начало в 2014 году. За это время оно прошло эволюцию, превратилось из просто организации, "нацбата", как мы их тогда называли, в оснащённый, структурированный полк. На него на Украине возлагали большие надежды, особенно со стороны украинской пропаганды.

И сейчас судорожно пытаются последствия их выхода и сдачи в плен минимизировать, всё равно называют их героями. А как им ещё их называть? Думаю, они рассчитывали бы на другой вариант, но мы этому варианту не дали состояться.

Просто мы не знали, что их больше. Но даже если бы знали, нас это не остановило бы. Скажу уже по факту: в штурмовых действиях вокруг "Азовстали" с нашей стороны принимало участие порядка 850–900 человек. Это были части 810-й бригады севастопольской морской пехоты, части подразделения силовых ведомств МВД, спецназ МВД, спецназ МГБ ДНР, пять батальонов внутренних войск. Да, задействованы были 105-й, 107-й полки мобилизованных жителей Донбасса. И мы же не штурмовики, и мы использовали их только на заполнение. Мы произвели штурмовые действия, взяли здание, а этих мобилизованных заводили, чтобы просто там сидели, потому что если не контролируем мы, контролирует противник. В активной фазе штурмовых действий они не принимали участия, они обеспечивали блокировку и оцепление, находились на блокпостах. Мы сами их не пукали на штурм.

Так вот, я, наверное, не сильно погрешу против истины, если скажу, что человек 850–900 штурмовиков с нашей стороны было на весь "Азовсталь". А если нет штурмовиков, то остальные роли не играют — они в боевых действиях участвуют на вторичных задачах. Когда ты наступаешь, то у тебя из батальона есть несколько штурмовых групп, которые работают. Весь остальной батальон работает на эти штурмовые группы, обеспечивая всем необходимым, снабжает и прочее. А вот когда ты в обороне, то там отстреливаются даже последняя санитарка.

То есть если с "Азовстали" вышло 2,5 тысячи прямоходящих товарищей, на своих ногах, десептиконов, не раненных, то это 2,5 тысячи автоматов, которые стреляли в нашу сторону. Поэтому можно сказать, что 850–900 человек воевали против 2,5 тысяч. Не считая их раненых, эвакуированных перед этим. А те же тоже стреляли по нам.

Александр ПРОХАНОВ. Почему они вышли, ведь там всё было для того, чтобы продолжать сопротивление — боеприпасы, продукты?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Пока у них была периферия — примыкающая территории к "Азовстали", была возможность манёвра, они держали нас на дальних подступах, внутренние перемещения, пользовались тоннелями, которые достигали нескольких километров в длину, порядка полутора-двух метров в диаметре — тоннели для сточных вод, которые уходили в реку, для забора воды из залива в Азовском море для охлаждения печи. Можно было по ним спокойно перемещаться, что и делали и ВСУ, и "азовцы". Много было всевозможных технологических тоннелей, которые представляли собой ходы сообщения, позволяли перемещаться под поверхностью так, чтобы мы не видели. Они перегруппировывались, перебрасывали подкрепление на те или иные позиции.

Но мы всю периферию обрезаем и заглажи их в эти огромные шахы. К тому же у них истощился противовоздушный ресурс, и наша авиация начала работать спокойно, методично. Если в марте, например, наша авиация летала над крошками топоним, срезая крыльями вершины, летала очень быстро в силу того, что нужно было быстро отстрелять и уйти, и это было не столь эффективно, то потом начала работать полномасштабно, спокойно, с достаточной высотой, выцеливая. Выдвигалась по нашим задачам и обрабатывала плановые цели.

Если уместно о потерях говорить "рационально", то мы понесли потери, адекватные той задаче, которую пришлось решать. А, как вы правильно заметили, Александр Андреевич, если посмотреть на последние войны, которые в мире происходили, наверное, такую задачу, как взятие "Азовстали", трудно найти в качестве примера, чтобы посмотреть, перенять опыт. Ни в Сирии, ни в других конфликтах такие задачи не решались. И когда мы подходили к решению задач по "Азовстали", нам приходилось на ходу придумывать методологию, чтобы наши движения были системными, чтобы мы не пропускали противника в тех или иных квадратах, чтобы он не мигрировал у нас в тылу, не создавал дополнительные трудности. Чтобы подразделения, которые работают с разных направлений, действовали, с одной стороны, синхронно. С другой стороны, когда подразделения действуют навстречу друг другу, то в такого рода тактике есть опасность попасть под восточный огонь.

Но размеры "Азовстали" такие и сама особенность и условия её таковы, а именно — дистанция большие и все эти конструкции, что мы, работая навстречу друг другу, практически не рисковали попасть друг в друга. Поэтому мы шли на разумный риск и давили противника с разных сторон. Где он начнёт прогибаться, где легче пойдёт, туда мы перебрасываем ресурс и развиваем успех на том направлении. Мы позволяли себе разумные риски, ничего в этом выходящего за рамки не было — война сплошь и рядом из рисков состоит. Но, конечно, подразделения ДНР, которые формировались в 2014 году и состояли в основном из костяка ребят 2014 года, это и СОБР Управление по борьбе с организованной преступностью, и спецподразделение МГБ, которое называлось ССО, под командованием Василия Евдокимова, и "Сокол", который тоже — из Управления по борьбе с организованной преступностью, и "Беркут" — аналог российской ОМОНа, — все эти подразделения показывали неожиданный, даже высокий уровень, потому что они втянулись. И при высокой степени духовности нарабатывали нормальную тактику наряду с нашими подразделениями, например, с "Востоком", который был интегрирован во внутренние войска. Ребята очень эффективно работали. Мы менялись: например, один день штурмовыми действиями занимается подразделение спецназа МВД, потом они выходят, мы перенимаем эстафету. Сложно было идти постоянно методично — очень высокий уровень стресса, истощения морально-психологического, поэтому люди морально и психологически горели.

Например, приезжает человек после штурмовых действий, смотришь — просто оболочка, потому что он выжился весь. Есть такие понятия, как боевой стресс, боевая морально-психологическая травма. Но это процесс адаптации, включение в войну. С одной стороны, у людей вырабатывается привычка к риску, страху, вырабатываются внутренние механизмы, которые позволяют это регулировать. Но, с другой стороны, всё равно это подталкивает нервную систему. Конечно, мы старались находить окна для того, чтобы ребята отступали в увольнение, семью проводить. Но это действовало как положительно, так и не очень, потому что человек выходит из боевого состояния, расслабляется в кругу семьи, и ему потом снова приходится мобилизовывать себя. Это не всегда просто.

Они понимали, что достать без бетонобойных бомб мы их не сможем. Но завалили их — вполне. Тем более, им для того, чтобы, например, нас контролировать, приходилось находиться на поверхности в этих огромных шахках. И когда прилетают бомбы, и на наших глазах обрушивается стометровый пролёт, погребая всё под собой, понятно, что происходит с противником, находящимся внутри, — там всё заваливается бетоном, и те, кто сидел на каких-то лесах, на перекрытиях, падают. Перспектива у них только одна — погибнуть.

Александр ПРОХАНОВ. Подземные бои были?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Два раза. Мы наталкивались на переходы, когда, например, занимали одно из зданий. После того, как выбивали противника, мы досматривали всё. У нас один раз была попытка перехода противника через подземный ход от одного здания к другому, которое удерживалось противником, и к зданию, которое удерживалось нами. Противник попытался два раза в течение ночи контратаковать нас, используя этот проход, и нам приходилось вести бой в тоннеле. Но, в конце концов, мы его заминировали и завалили, чтобы он нас не беспокоил. А потом мы уже днём выбили противника из этого здания и обнаружили целую сеть переходов. Один из тоннелей, который мы нашли, достигал почти десяти метров в высоту. Мы поняли его назначение — там стояли контейнеры для цемента, и по этому тоннелю подгонялись по рельсам вагоны, оттуда сыпался цемент прямо в вагоны под землей, вывозился и сгружался в огромные бетономешалки... И такие ходы на некоторых участках соединяли между собой по несколько зданий. Противник мог спокойно мигрировать, мы это быстро поняли, поэтому первым делом, что в зданиях искали, помимо того, не остался ли противник, — есть ли такой ход. Один раз был ход примерно с фигуру человека — мы продвинулись по нему метров на 50 в глубину, дальше — не было смысла, мы могли бы людей там потерять. Посмотрели, заминировали, засыпали и отошли оттуда.

Александр ПРОХАНОВ. Вы туда со стрелковым оружием ходили или миномёты таскали?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Нет, миномёты стояли на своих позициях, мы их каждый раз перемещали. Военный хард ведь дефицитный. Иногда, когда было очень опасно, миномёты держали на предельной дистанции и работали на так называемых четвёртых порохам, когда мы дополнительные заряды порохом цепляли, чтоб мина летела. Но это приводило к повышенному расходу порохов, и некоторые мины оставались вообще без порохов, лежали, как болванки. В итоге я запрещал такую практику, заставлял продвигаться на дистанцию в два раза меньше, чтобы работать, например, на двух порохам, а не на четырёх, чтобы расход уменьшился.

Конечно, миномёты мы задействовали постоянно, ребята у нас стояли на огневых позициях, контролировали тот или иной сектор. Задача дня, как правило, включала в себя несколько уже пристрелянных точек, отмеченных на карте.

У каждого командира расчёта в смартфоне заложена специальная программа, которая позволяет делать вычисления очень быстро, то есть ускоряет процесс перенаводки, например, батареи на другую цель, другие координаты. Казалось бы, труба та же самая, люди те же самые, дёргает либо верёвкой, либо просто на калькулятор бросает мину, она накатывается и вылетает. Ничего нового, но средства обработки появились современные, позволяют работать быстрее, эффективнее.

Александр ПРОХАНОВ. Такое впечатление, что натиск на "Азовсталь" был героическим по соотношению сил, по характеру тактики. Наши сражались первоклассно. А они как вели себя?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Про противника всегда хочется сказать с уважением, если есть, за что уважать. Но здесь делаем исключение. Мы не можем уважать тех, кто ходит под бандеровскими флагами, даже слова такого употребить по отношению к ним не можем — уважение. Поэтому заменили слово "уважение" словом "эффективность", и когда говорим о противнике, говорим о том, что противник работал против нас достаточно эффективно. Недостаточно эффективно, чтобы нас сдержал, но достаточно, чтобы оказать серьёзное сопротивление и привести к потерям с нашей стороны.

Александр ПРОХАНОВ. Такое впечатление, что натиск на "Азовсталь" был героическим по соотношению сил, по характеру тактики. Наши сражались первоклассно. А они как вели себя?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Про противника всегда хочется сказать с уважением, если есть, за что уважать. Но здесь делаем исключение. Мы не можем уважать тех, кто ходит под бандеровскими флагами, даже слова такого употребить по отношению к ним не можем — уважение. Поэтому заменили слово "уважение" словом "эффективность", и когда говорим о противнике, говорим о том, что противник работал против нас достаточно эффективно. Недостаточно эффективно, чтобы нас сдержал, но достаточно, чтобы оказать серьёзное сопротивление и привести к потерям с нашей стороны.

Если уместно о потерях говорить "рационально", то мы понесли потери, адекватные той задаче, которую пришлось решать. А, как вы правильно заметили, Александр Андреевич, если посмотреть на последние войны, которые в мире происходили, наверное, такую задачу, как взятие "Азовстали", трудно найти в качестве примера, чтобы посмотреть, перенять опыт. Ни в Сирии, ни в других конфликтах такие задачи не решались. И когда мы подходили к решению задач по "Азовстали", нам приходилось на ходу придумывать методологию, чтобы наши движения были системными, чтобы мы не пропускали противника в тех или иных квадратах, чтобы он не мигрировал у нас в тылу, не создавал дополнительные трудности. Чтобы подразделения, которые работают с разных направлений, действовали, с одной стороны, синхронно. С другой стороны, когда подразделения действуют навстречу друг другу, то в такого рода тактике есть опасность попасть под восточный огонь.

Но размеры "Азовстали" такие и сама особенность и условия её таковы, а именно — дистанция большие и все эти конструкции, что мы, работая навстречу друг другу, практически не рисковали попасть друг в друга. Поэтому мы шли на разумный риск и давили противника с разных сторон. Где он начнёт прогибаться, где легче пойдёт, туда мы перебрасываем ресурс и развиваем успех на том направлении. Мы позволяли себе разумные риски, ничего в этом выходящего за рамки не было — война сплошь и рядом из рисков состоит. Но, конечно, подразделения ДНР, которые формировались в 2014 году и состояли в основном из костяка ребят 2014 года, это и СОБР Управление по борьбе с организованной преступностью, и спецподразделение МГБ, которое называлось ССО, под командованием Василия Евдокимова, и "Сокол", который тоже — из Управления по борьбе с организованной преступностью, и "Беркут" — аналог российской ОМОНа, — все эти подразделения показывали неожиданный, даже высокий уровень, потому что они втянулись. И при высокой степени духовности нарабатывали нормальную тактику наряду с нашими подразделениями, например, с "Востоком", который был интегрирован во внутренние войска. Ребята очень эффективно работали. Мы менялись: например, один день штурмовыми действиями занимается подразделение спецназа МВД, потом они выходят, мы перенимаем эстафету. Сложно было идти постоянно методично — очень высокий уровень стресса, истощения морально-психологического, поэтому люди морально и психологически горели.

Например, приезжает человек после штурмовых действий, смотришь — просто оболочка, потому что он выжился весь. Есть такие понятия, как боевой стресс, боевая морально-психологическая травма. Но это процесс адаптации, включение в войну. С одной стороны, у людей вырабатывается привычка к риску, страху, вырабатываются внутренние механизмы, которые позволяют это регулировать. Но, с другой стороны, всё равно это подталкивает нервную систему. Конечно, мы старались находить окна для того, чтобы ребята отступали в увольнение, семью проводить. Но это действовало как положительно, так и не очень, потому что человек выходит из боевого состояния, расслабляется в кругу семьи, и ему потом снова приходится мобилизовывать себя. Это не всегда просто.

Александр ПРОХАНОВ. Вам приходилось общаться с пленными с "Азовстали"?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Разговаривать приходилось, но по душам мы там точно не беседовали. Это были очень эпизодичные и кратковременные контакты, имевшие вполне конкретные практические цели. Есть у нас, например, на боевой позиции бою ещё 2014 года, добровольец из Докучаевска Донецкой области с позывным "Бен", и вот он говорит: "На меня вышел из тоннеля, который мы контролируем, противник, назвал свой позывной — "Пират".

Это когда уже было объявлено перемирие о сдаче противника. У нас между всеми позициями была распространена информация о том, что противник может выйти, огонь по нему не вести, если он без оружия.

Он выходит и говорит просто, буднично, как будто вышел из соседнего подразделения, без преамбул: "У меня позывной такой-то". И восприятие его было таким же — будничным. "Мы будем здесь выводить наших и выносить раненых. Нужно разминировать участки. Где мы минировали, я знаю, где вы минировали, не знаю. Помогите разминировать то, что вы заминировали".

Естественно, докладывает начальству выше. Следует добро. И инженер-сапёр, который минировал, у которого есть карта-схема, выходит в сопровождении и вместе с украинским связушником начинает разминировать проход. Вот такой контакт. Они между собой о чём-то говорили, может быть, даже пошутили, но никто никому в душу не лез и свою правду не навязывал. Потому что, во-первых, мы понимали, что мы противника победили на этом участке, сломали его морально. Но же не будем над ним глумиться. Мы своей цели достигли, потеряли достаточно людей для того, чтобы можно было так спокойно, буднично вступить в контакт с положением победителей и великодушно обеспечить проход и выносить раненых. Я считаю, во-первых, и с нашей стороны — это не то, что пример гуманизма, но пример отношения, когда ребята, которые воевали с этим противником три месяца и теряли своих товарищей, смотрят на него, как мне кажется, с правильной точки зрения, потому что он недостоин больше, больше не оказывает сопротивления. Соответственно, задача война, если он настоящий солдат или офицер, завершить эту эпопею и отправить противника туда, где он должен находиться, если это пленный противник. Никто не пытался самоутвердиться за счёт противника. Никакой поглотитель не сказал: "Смотрите, ведите с ним себе корректно". Нет, просто в природе солдата, который воевал только что с этим противником, не было желания глумиться над ним. Они в сознании наших солдат точно так же рисковали, это был паритетный процесс: они убивали нас, мы убивали их, и когда это закончилось, отнеслись к этому буднично. Те поняли, что у них выхода нет, сдались. Наши поняли, что мы победили, и надо готовиться к тому, что будут перебрасывать на другой участок.

Александр ПРОХАНОВ. Такое впечатление, что натиск на "Азовсталь" был героическим по соотношению сил, по характеру тактики. Наши сражались первоклассно. А они как вели себя?

Александр ХОДАКОВСКИЙ. Про противника всегда хочется сказать с уважением, если есть, за что уважать. Но здесь делаем исключение. Мы не можем уважать тех, кто ходит под бандеровскими флагами, даже слова такого употребить по отношению к ним не можем — уважение. Поэтому заменили слово "уважение" словом "эффективность", и когда говорим о противнике, говорим о том, что противник работал против нас достаточно эффективно. Недостаточно эффективно, чтобы нас сдержал, но достаточно, чтобы оказать серьёзное сопротивление и привести к потерям с нашей стороны.

Александр ПРОХАНОВ. Такое впечатление, что